

Серышева Юлия Вячеславовна

ФОРМАЛЬНО-СТРУКТУРНАЯ ЧЛЕНИМОСТЬ ПРЕФИКСАЛЬНОГО ГЛАГОЛА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА

Статья посвящена экспериментальному исследованию поэлементного восприятия носителями языка русских многоприставочных глаголов. Результаты проведенного эксперимента свидетельствуют о высокой степени (98%) осознаваемости русскоговорящими статуса вторичных глагольных префиксов как формально-структурных компонентов многоприставочного глагола, что объясняется "агглютинативным" принципом присоединения данных морфем к глагольной основе в противовес фузионной связи глагола с суффиксами, потенциальным характером непервичных приставок.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/6-1/45.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. I. С. 165-168. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

звучит лишь как обещание радости, как проекция возможного, то в конце – как ее реализация. Такая сильная позиция музыкальной темы – в начале и конце романа – убедительно свидетельствует о ее высокой роли.

Вышеизложенное подводит к следующим выводам:

1) в произведении искусства главную роль А. Рэнд отводит его метафизическому содержанию, выражению которого служат все его компоненты. Одной из составляющих метафизического содержания романа является идеальное ощущение жизни идеального персонажа – композитора Рихарда Холли. Изображая его музыку, А. Рэнд создает «объективированную реальность», то есть дает возможность познать и прочувствовать идеальную реальность;

2) музыка в романе способствует последовательному проведению важной для философии А. Рэнд идеи о сопряженности чувства с мыслью, о невозможности эмоции без разума;

3) музыкальная тема в романе направлена на создание положительной оценки рационального капитализма, сторонницей которого является А. Рэнд.

Так, музыка в романе является составной частью его философско-идеологического содержания.

Список литературы

1. Рэнд А. Романтический манифест: философия литературы. М.: Альпина Паблишер, 2011. 199 с.
2. Berliner M. The Music of *We the Living* // Mayhew R. Essays on Ayn Rand's *We the Living*. N. Y.: Lexington Books, 2004. P. 117-132.
3. Peikoff L. Introduction to the 35th Anniversary Edition // Rand A. Atlas Shrugged. N. Y.: Plume, 1999. P. 9-15.
4. Rand A. Atlas Shrugged. N. Y.: Plume, 1999. 1171 p.

THE ROLE OF MUSIC IN THE NOVEL BY AYN RAND "ATLAS SHRUGGED"

Salimova Kamila Nailovna

*Kazan (Volga Region) Federal University
kamila88@yandex.ru*

The article considers the participation of musical theme penetrating with the novel "Atlas Shrugged" in the representation of philosophical and ideological content of the most important literary work by Ayn Rand, the creator of philosophy well-known in the modern world under the name of "objectivism". The thesis by Ayn Rand about the reasonability of any element of a literary work irrespective of its scale serves as a starting point for this research.

Key words and phrases: music; sense of life; psychoepistemology; emotion; metaphysical abstraction; objectified reality; feelings; logic; ethics of capitalism.

УДК 81-114.4

Филологические науки

Статья посвящена экспериментальному исследованию поэлементного восприятия носителями языка русских многоприставочных глаголов. Результаты проведенного эксперимента свидетельствуют о высокой степени (98%) осознаваемости русскоговорящими статуса вторичных глагольных префиксов как формально-структурных компонентов многоприставочного глагола, что объясняется «агглютинативным» принципом присоединения данных морфем к глагольной основе в противовес фузионной связи глагола с суффиксами, потенциальным характером непервичных приставок.

Ключевые слова и фразы: многоприставочные глаголы; вторичные префиксы; суффиксы; формально-структурная осознаваемость; психолингвистический эксперимент.

Серышева Юлия Вячеславовна

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет
eifrige@sibmail.com*

ФОРМАЛЬНО-СТРУКТУРНАЯ ЧЛЕНИМОСТЬ ПРЕФИКСАЛЬНОГО ГЛАГОЛА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА©

В психолингвистических и семантических теориях проблемным остается вопрос относительно того, как осуществляется переработка представлений о действительности, закрепление, накопление и хранение сведений о мире посредством языковых единиц [1; 2; 4-6]. При этом исследователи выделяют два основных типа моделей процессов узнавания слов со слуха и при чтении: модели прямого доступа к слову и модели поиска слов в лексиконе. Сторонники *первого типа* моделей узнавания языковых единиц предполагают, что каждому

слову соответствует набор признаков и «система узнавания слов прямо опирается на перцептивные признаки слов» [1, с. 176]. Модели *второго типа*, которые предполагают «перебор единиц лексикона или какой-то его части» [Там же], признаются наиболее распространенными. Так, К. Форстер выделяет «основной лексикон и три файла доступа к нему, в свою очередь подразделенных на отдельные емкости (bins), где хранятся упорядоченные по убыванию их частотности единицы» [Там же, с. 177]; Т. Ю. Сазонова придерживается «когортной модели» и считает, что распознавание слова происходит по опознанию определенной словообразовательной модели, подбору слов с таким же началом, как у услышанного или прочитанного слова, и сужению круга поиска под влиянием последующих элементов слова и контекста [7; 8]. В рамках данного направления особый акцент следует сделать на работах, посвященных изучению процессов восприятия носителями языка морфологически сложных слов. Как отмечает Т. Ю. Сазонова, стратегии опознания морфологически сложных слов зависят от типа языка (агглютинативного или неагглютинативного), от регулярности употребления сложных слов и частотности аффиксов [7]. Точки зрения разных исследователей по данному вопросу сводятся к тому, что морфологическая переработка при восприятии полиморфемных слов представляет собой сложный процесс, при котором сначала происходит разложение слова на составляющие (морфемы, слоги, звуки), после этого извлекаются лексические «файлы», связанные с содержанием разного типа морфем.

В рамках данного направления актуальным является изучение степени формально-структурной осознаваемости носителями языка русских многоприставочных глаголов. Под формально-структурной осознаваемостью исследуемых единиц мы понимаем формальную членимость многоприставочного глагола на составляющие значимые части в языковом сознании носителей языка и выделяемость вторичных префиксов, как формальных показателей глагола и носителей определенного смысла. По нашей гипотезе, такая значимая часть слова, как префикс (особенно «агглютинирующая» вторичная приставка), способна выступать своеобразным формальным и смысловым ориентиром в опознавании многоприставочного глагола в целом.

Данные психолингвистического эксперимента, на наш взгляд, позволяют выявить информацию об исследователем объекте, которую нельзя получить другими методами. Психолингвистический эксперимент используется нами, с одной стороны, как метод проверки исследовательских гипотез, а с другой стороны, как процедура выявления данных о языковых явлениях в условиях контролируемых и воспроизводимых исследователем [9, с. 28].

С целью определения степени структурной членимости многоприставочного глагола в сознании носителей языка и выявления степени формальной осознаваемости вторичных глагольных префиксов, наряду с первичными префиксами и другими морфемами в структуре композиты, мы провели направленный эксперимент, используя прием разложения слова на несколько частей. В качестве стимульного материала в данном эксперименте нами было отобрано 100 глаголов разных лексико-семантических групп с различными грамматическими и словообразовательными особенностями: 21 бесприставочный глагол (*ходить, возить, бросил* и т.п.); 41 одноприставочный глагол (*распилить, подсели, нарубят, полёживать* и т.п.) и 38 двухприставочных глаголов (*понаедут, подвыпил, приотстать, наза солили, заметил* и т.п.) с разными словообразовательными и грамматическими суффиксами в форме инфинитива, настоящего, прошедшего, будущего времени, множественного и единственного числа. Испытуемым был предложен косвенный тип задания: «разделить слово на части, из которых оно состоит». В формулировке задания намеренно не использовались лингвистические термины «префикс», «корень», «суффикс» и т.п., так как предполагается, что вычленение испытуемыми в структуре слова его составляющих может быть как результатом использования школьных знаний, так и результатом иных когнитивных операций. При этом необходимым являлось выявить, осознаются ли носителями языка вторичные префиксы как самостоятельные формальные части слова, в то время как определение принципа (бессознательно, автоматически, в соответствии с имеющимися школьными / иными знаниями и т.д.), используемого респондентами в процессе деления глагола на составные части, имело вторичный характер. Респонденту предлагалась 1 анкета (всего было 20 разнотипных анкет), состоящая из 5 глаголов.

При интерпретации результатов эксперимента мы подсчитывали и сопоставляли количество «верно» и «неверно» выделенных респондентами морфем. Всего в эксперименте приняло участие 80 русскоговорящих респондентов с гуманитарным, техническим и медицинским образованием. Возраст респондентов варьировался от 17 до 50 лет. Общее число реакций составило 400, из них 139 глаголов были разделены респондентами на части в соответствии с их реальным морфемным членением (35% от общего числа реакций); 261 единица оказалась формально представлена в языковом информантов иначе, чем предлагают научные источники (65%). Количество неверных реакций зависло от разной степени реальной выделяемости той или иной морфемы, входящей в структуру глагола.

В целом, были получены следующие реакции на формально-структурную членимость глагольных единиц:

- 1) выделяемость префиксов: первичные префиксы – 283 (88%) из 322 префиксальных глаголов; вторичные префиксы – 155 (98%) из 158 двухприставочных глаголов;
- 2) выделяемость корня: 285 реакций (71%) из 400;
- 3) выделяемость суффиксов: 110 реакций (32%) из 343 суффиксальных глаголов;
- 4) выделяемость окончаний: 166 реакций (78%) из 212.

Проведенный эксперимент продемонстрировал высокую степень формально-структурной осознаваемости вторичных префиксов: практически все респонденты выделяли в составе слова вторичные префиксы (ПО-, ПЕРЕ-, ПОД-, ПРИ-, НА-, ЗА-, ДО-, ВОЗ-/ВОС-, РАЗ-/РАС-, ПРЕД-). К «неверным» ответам, демонстрирующим иную, чем в научных источниках, членимость глаголов и выделяемость в них вторичных префиксов, можно отнести случаи выделения респондентами префиксального комплекса ПОНА- в качестве одной приставки

(*понаедут, понасушили*). Во-первых, это свидетельствует о деривационной активности в настоящее время словообразовательной модели глаголов с приставками ПОНА-, на которую указывают исследователи: «чем больше в языке слов с похожими сочетаниями приставок (т.е. шире общая морфемная среда), в том числе и производных от глагола, тем больше потенциальных возможностей для полипрефиксации» [3, с. 30], а следовательно, выше осознание носителями языка данного приставочного комплекса. Во-вторых, такие результаты объясняются взаимодействующим характером первичного и вторичного префиксов в содержательном плане.

Осознаваемость первичных приставок как структурных элементов глагола в целом также высока. Среди них наибольшей степенью выделенности обладают такие приставки, как ПРИ-, ПЕРЕ-, РАЗ-/РАС-, У-, ПОД-, ПО-, ЗА-, ОТ-, ВЫ-. Особо следует отметить высокую выделенность первичных префиксов ПЕРЕ-, ПРИ-, РАЗ-/РАС-, У-, ПОД- (*перекроить, пришить, распилить, уходят, подсели* и др.). Представляется, что это связано с закрепившимися в языковом сознании носителей языка смыслами, которые добавляют указанные префиксы в значение глагола. Так, приставка ПЕРЕ- выступает в значении «заново, иначе совершить действие» (*пере-кроить*); приставка У- – в пространственном значении «удаления» (*у-бегут*); приставка РАЗ-/РАС- – в деструктивном значении разделения объекта на части (*рас-пилишь*) и т.д.

Однако по сравнению с вторичными префиксами степень формальной осознаваемости и выделенности первичных префиксов ниже. Так, например, первичные приставки НА-, ИЗ-, ОБ- респонденты включали в состав корня (*по-испортили, пере-населить, пере-обучили, до-ободрать* и др.), выделяя при этом в структуре глагола только вторичный префикс (первый от начала). На наш взгляд, вторичные префиксы, в отличие от первичных, вычлениваются русскоговорящими легче именно из-за преимущественно «агглютинативной» связи между глаголом и вторичной приставкой и отсутствия фузионной зависимости между ними, как в случае с первичным префиксом и глаголом.

Следует предположить и то, что высокая выделенность носителями языка вторичных префиксов основана не только на остаточных знаниях, полученных респондентами в рамках школьного образования, но и на понимании значения, вносимого префиксами в семантику глагола и осознаваемого респондентами в силу соотношения его со значением приставки в других приставочных единицах со сходной префиксальной семантикой.

Анализируя полученные результаты эксперимента, отдельно следует отметить реакции респондентов по выделению суффиксов в сравнении с остальными реакциями. По показаниям языкового сознания, суффиксы характеризуются наименьшей степенью формальной вычлененности (32% «верных» ответов). Вариативность представления границ суффиксов в языковом сознании носителей языка выражается в том, что респонденты по-разному вычленили данную морфему в структуре слова и квалифицировали ее: выделяли суффикс в соответствии с реальной членимостью слова, но квалифицировали его как флексию (отметим, что в задании предлагалось разделить слово на составные части, т.е. выделить в нем осознаваемые информантом части); испытуемые включали и / или обозначали суффиксы «не верно» с точки зрения грамматического членения слова, объединяя суффикс с частью корня, другим суффиксом или флексией и представляя одной структурной составляющей слова. На наш взгляд, последний тип реакций свидетельствует о большей фузионности суффиксов по отношению к префиксам, на что неоднократно указывают исследователи.

Таким образом, результаты проведенного эксперимента показали, что в целом многоприставочный глагол представляется носителями языка как делимая структура, состоящая из определенных составных частей. При этом, чем меньше связи между структурными частями глагола, тем лучше они отделяются друг от друга. Наибольшей, в сравнении с остальными морфемами, формально-структурной осознаваемостью в языковом сознании русскоговорящих характеризуются вторичные глагольные префиксы (98% ответов), далее следуют первичные префиксы (88%), окончание (78%), корень (71%) и суффиксы (32%). Такие результаты подтверждают рабочую гипотезу эксперимента и соотносятся с представленными в литературе выводами о приставке как об «агглютинированной модифицирующей частице» [10, с. 49].

Список литературы

1. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 2007. 560 с.
2. Залевская А. А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека: учебное пособие. Калинин, 1977. 82 с.
3. Королева Ю. В. Полипрефиксальные глаголы в русском языке: дисс. ... к. филол. н. Томск, 2003. 262 с.
4. Кубрякова Е. С. Об основных единицах лингвистического анализа и предмете морфологии // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963.
5. Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности: некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. М.: Наука, 1965. 244 с.
6. Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск, 2000. 194 с.
7. Сазонова Т. Ю. Опора на формальные элементы при идентификации нового слова // Слово и текст: актуальные проблемы психолингвистики: сб. науч. тр. Тверь, 1994. С. 65-70.
8. Сазонова Т. Ю. Стратегии идентификации новых слов носителями языка (на материале прилагательных): автореф. дисс. ... к. филол. н. Тверь, 1993. 17 с.
9. Фрумкина Р. М. Самосознание лингвистики – вчера и завтра // Известия РАН СЛЯ. 1999. Т. 58. № 4. С. 28-38.
10. Dokulil M. Tvoření slov v češtině. Praha, 1962. D. I. Teorie. 263 s.

FORMAL-STRUCTURAL DIVIDEDNESS OF PREFIXAL VERBS IN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF NATIVE SPEAKERS

Serysheva Yuliya Vyacheslavovna
National Research Tomsk Polytechnic University
eifrige@sibmail.com

The article is devoted to experimental research of element-by-element perception of Russian verbs with multiple prefixes by native speakers. The results of the experiment indicate high degree (98%) of recognition by the Russian speaking people of the status of secondary verbal prefixes as formal-structural components of a verb with multiple prefixes. An explanation of this lies in "agglutinative" principle of joining the given morphemes to a verbal stem in contrast to fusional connection of a verb with suffixes and in potential nature of non-primary prefixes.

Key words and phrases: verbs with multiple prefixes; secondary prefixes; suffixes; formal- structural recognition; psycholinguistic experiment.

УДК 8.8:21

Филологические науки

В статье рассмотрена текстообразующая функция синонимов в якутском языке. Примеры, где синонимы выступают в роли лексических средств межфразовой связи, представлены на основе сложного синтаксического целого как основной единицы текста. Выявлено, что состав синонимической замены, устанавливающей межфразовую связь, зависит от контекста и речевой ситуации.

Ключевые слова и фразы: межфразовая связь; лексическое средство связи; сложное синтаксическое целое; синоним; якутский язык.

Сивцева Наталия Александровна, к. филол. н.

Институт гуманитарных наук и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
sivna@mail.ru

СИНОНИМЫ КАК ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МЕЖФРАЗОВОЙ СВЯЗИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ©

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 13-34-01242 «Лексические средства межфразовой связи в якутском языке».

Любая синтаксическая конструкция существует благодаря связи. Как отмечают исследователи, «без <...> связей нет, и не может быть никаких синтаксических объектов, никаких синтаксических субстанций, поскольку синтаксический объект всегда мыслится как конструктивный, построенный тем или иным способом» [7, с. 7]. Средства организации текста, обеспечивающие его целостность и связность, подразделяются на лексические, морфологические и синтаксические. К лексическим межфразовым средствам связи относятся лексические повторы, антонимы, синонимы и однокоренные слова [6, с. 107-108]. В аспекте данного вопроса целесообразным является изучение интересующего нами языкового явления на уровне сложного синтаксического целого (далее – ССЦ). Так как ССЦ «является почти идеальной моделью» текста, «в его структуре обнаруживаются практически все принципы, приемы, средства, релевантные для текста» [1, с. 100-101]. Эта единица текста представляет собой группу взаимосвязанных самостоятельных предложений, объединенных лексико-грамматическими и ритмомелодичными признаками, характеризующими какую-либо сторону описываемого предмета (явления). ССЦ является крупной структурно-семантической единицей текста, подробная разработка теоретической основы которой имеет значительную перспективу в развитии изысканий грамматического, функционального характера.

В данной статье рассмотрим примеры, представляющие синонимы в качестве лексических средств межфразовой организации текста (арабскими цифрами обозначены порядковые номера предложений в ССЦ):

(1) *Эһэ балык үрдүгэр түһээт, мадьыктаспытынан барда.* (2) *Мин турдум.* (3) *Кыыл миэхэ кыһанан да кербөттө / «Медведь, накинувшись на рыбу, стал усиленно ее есть. Я стоял. Зверь даже не обратил на меня внимания»* [2, с. 103]. В этом ССЦ, состоящем из трех предложений, между зачином и концовкой существует дистантная связь «подлежащее – подлежащее», выраженная лексическими средствами связи, а именно синонимами. Подлежащее первого предложения-зачина представлено существительным *эһэ* «медведь». Подлежащее третьего предложения-концовки ССЦ передано существительным *кыыл* «зверь» в значении *эһэ* «медведь»: (1) *Эһэ балык үрдүгэр түһээт, мадьыктаспытынан барда.* (3) *Кыыл миэхэ кыһанан да кербөттө / «Медведь, накинувшись на рыбу, стал усиленно ее есть. Зверь даже не обратил на меня внимания».* Таким образом, в данном примере в качестве межфразовой связи вместо повтора использована синонимическая замена: (1) *эһэ* «медведь» – (2) *кыыл* «зверь».